Л. П. Лаптева, П. Кунце

ИСТОРИЯ СЕРБОЛУЖИЦКОГО НАРОДА

С древних времен до конца Средневековья

Сохраняющееся на территории Федеративной Республики Германии славянское население – лужицкие сербы – представляет собой остатки одной из групп западных славян, а именно славян полабско-балтийских, занимавших до X в. огромную территорию между реками Вислой и Эльбой (Лабой), Балтийским морем и Лужицкими горами. Лужицкие сербы – отдаленные потомки двух племен: *мильчан* и *лужичан*. В немецкой литературе они именуются вендами, в новейшее время – сорбами.

Западные славяне полабско-балтийской группы в VI в., в ходе великого переселения народов, покинули первоначальную область своего обитания севернее Карпат, между Одером и Днепром, и двинулись на запад, заняв территорию до Эльбы и Заале, а кое-где перейдя и на левый берег Эльбы. Эти земли были ранее свободны. Различные германские племена, когда-то проходившие по этим местам, отправились на юг. На территории современной Восточной Германии осели тогда десятки славянских племен, в том числе около 20 племен с общим самоназванием *сербы*, которые заняли пространство площадью около 40 000 квадратных километров вплоть до реки Заале на западе и Рудных гор на юге, до Одера на востоке и Берлина на севере. Встречались племена сербов и в других областях – Тюрингии, Баварии и смежных с ними регионах. Численность западнославянских сербов археологи определяют в 160 000 человек.

В письменных источниках сербы впервые упоминаются под 631 г., в хронике так называемого Фредегара, повествующего об этом союзе племен, важнейшими из которых были как раз мильчане с главным племенным городищем Будиссин (т.е. Будишин) и лужичане, жившие на территории между нынешней областью Блота (Шпреевальд) и позднее возникшим городом Хошебуз (Котбус). Оба эти племени насчитывали примерно по 8 000 человек.

Археологические данные, письменные источники, топонимия и словарный состав языка указывают на то, что главными занятиями лужицких сербов (как стали в новое время называть потомков этих двух племен) являлись земледелие и скотоводство. Определяющую роль играли охота, рыболовство и пчеловодство. Были развиты разнообразные ремесла, между племенами шла торговля скотом, зерном, солью, гончарными изделиями. Природные условия существования лужицких сербов различались. На севере почва была песчаная, а местность лесистая и болотистая, особенно там, где река Спревья (Шпрее) образует до 30 рукавов. Первоначально Лужицей – от общеславянского **luža* ‘заболоченная местность’ – именовалась именно эта область, земля племени лужичан, позднее получившая название Нижняя Лужица. Южнее, на территории нынешней Верхней Лужицы, было гораздо больше плодородных почв, а в горных районах – полезных ископаемых. Через сербские земли проходили торговые пути, соединявшие западные части Европы с отдаленными землями: Аравией, Византией, а также Скандинавией.

Славяне жили родовым строем в городищах, которые сооружались ими с большим искусством как для укрытия людей и скота от вражеского нападения, так и в качестве «резиденций» племенных вождей с их дружинами. В Лужице их насчитывалось около 200.

Как и у других народов восточной части Европы, приблизительно в VIII в. у лужицких сербов начался распад родового строя и большую семью сменила деревенская община, объединявшая ряд семей во главе со старостой. Городищные округа составляли так называемую *жупу*. У мильчан и лужичан было по 30 жуп. Главой племени являлся князь. По имени известен князь Дерван, который в IX в. включил свои земли в состав раннефеодального славянского Великоморавского государства.

Распад родового строя привел к дифференциации населения. Высшим слоем общества были князья племенных союзов, а основную массу – около 90% – составляли свободные крестьяне. Но уже в IX в. существовали и лично зависимые члены племени.

Распад родового строя привел к дифференциации населения. Высшим слоем общества были князья племенных союзов, а основную массу – около 90% – составляли свободные крестьяне. Но уже в IX в. существовали и лично зависимые члены племени.

В X в. произошло образование Восточнофранкской империи, и король Генрих I решил окончательно подчинить все славянские племена и принудить их к выплате дани. Война была жестокой и беспощадной. У франков имелась защищенная броней боевая конница, и славяне не могли противостоять ей, тем более что они не сознавали, сколь важно объединить отдельные племена в мощный племенной союз или же в централизованное государство. Франки одержали в этой войне решительную победу, и в 932 г. мильчане и лужичане были покорены.

После смерти Генриха I его завоевательную политику продолжил в 936 г. Оттон I. Жестокость правителей, поставленных им над славянами, не раз заставляла сербов поднимать восстания. Однако многочисленные и хорошо вооруженные войска германской империи подавляли все эти выступления. Не участвовавшие в волнениях мильчане были окончательно порабощены в 990 г.

Одновременно с военной экспансией германской империи происходила христианизация славянских областей. На территории расселения славян выросло немало церквей, стали создаваться епископства. В частности, лужичане были подчинены Бранденбургскому епископству. Церковь рассчитывала получать от новообращенных десятину и другие доходы, которые обещали быть весьма солидными, если учесть, что обратить предстояло все местное население. Однако славяне противились христианизации, несколько германских миссионеров было убито (впоследствии они были причислены к лику святых). Вплоть до XII в. славянские области по-прежнему считались языческими.

К концу X в. покорение сербских племен завершилось. Были разрушены сотни сербских городищ и деревень, истреблены тысячи людей. Завоеванные земли насильственно присоединили к германскому государству. Однако и после этого войны на славянской территории не прекращались. У германской империи появились враги в лице чешских и польских феодалов, которые тоже претендовали на Лужицу. Так, с 1018 по 1032 г. будущая Верхняя Лужица принадлежала Польше, а с 1076 по 1084 и с 1158 по 1231 г. – Чехии. Кроме того, ожесточенные бои за новые земли велись между немецкими князьями. В XII в. земли мильчан и лужичан были преобразованы в самостоятельные административные единицы – землю Будишин (Бауцен) и марку Лужица. Управляли ими, в качестве ленников германского короля, графы Веттины. В крае возникло крупное землевладение и установилась феодальная зависимость ранее свободного населения.

В XI–XII вв. началась интенсивная внутренняя и внешняя колонизация этих земель. Путем корчевки лесов расширялись посевные площади, появилось много серболужицких деревень. Число лужицких сербов, согласно оценке А. Муки, достигло приблизительно 320 000. К началу XIII в. в марке Лужица, в земле Будишин и на территории восточнее нижнего течения Заале жили тысячи серболужицких семей. С середины XII в. началась массовая миграция немецкоязычного крестьянского населения из Фландрии, Саксонии, Тюрингии и Франконии, ввиду чего этническая структура территории между Заале и Одером существенно изменилась. В регион переселилось около 200 000 человек, что привело к перевесу выходцев из германских племен на землях, занятых до этого сербским населением, и к быстрой ассимиляции последенего.

Немецким колонистам изначально обеспечивались самые благоприятные условия проживания. Они получали землю в наследственную собственность, их подати и степень зависимости были меньшими, чем у местного населения, им предоставлялась свобода передвижения. Вообще же колонизация имела и много положительных сторон. Немецкие переселенцы принесли с собой новые методы производства. В земледелии двуполье сменилось трехпольем. Немецкие колонисты основали множество городов, существовавших на основе так называемого немецкого права. В XII–XIII вв. возникли такие города, как Лейпциг, Фрайберг, Дрезден, Будишин. В 1303 г. права городов получил Згорельц (Гёрлиц), а в 1408 г. Хошебуз (Котбус). В свою очередь активно осваивала новые земли и церковь. Учреждались епископства, строились монастыри. В интересах внедрения христианства в сознание славян разрешалось читать проповеди на славянском языке.

В исторической литературе долгое время обсуждался вопрос о причинах выживания лужицких сербов при полном исчезновении других племенных объединений славян на территории Германии. В XIX в. некоторые ученые утверждали, что лужицкие сербы сохранились благодаря тому, что не оказывали сопротивления завоевателям, сразу же приняли христианство и покорились. Другие исследователи находили причину в суровых природных условиях – местность была слишком лесистой и болотистой для немецких колонистов. Объясняли сохранение этого этноса и просто «чудом». В настоящее время имеются более обоснованные толкования серболужицкого феномена. Археологические и другие данные показывают, что плодородные почвы Лужицкой марки и земли Будишин и развитая водная система с давних пор способствовали плотному заселению края, и это способствовало сохранению здесь славянского элемента.

Территория, входившая в административную единицу германского государства под названием «марка Лужица», стала именоваться Нижней Лужицей, а земля Будишин с прилегающей к ней широкой полосой селений по среднему течению Эльбы – Верхней Лужицей. В этих и только этих областях потомкам лужичан и мильчан удалось сохранить свою этническую самобытность, тогда как в окрестных землях политика местных властей привела к тому, что славянское население к концу XV в. в основном ассимилировалось. В обеих же Лужицах не сформировалось централизованое управление, а частая смена государственной принадлежности на положение лужицких сербов не повлияла. Находясь под властью то маркграфов Мейссенского и Бранденбургского, то чешских королей, а также венгерского короля Матвея Корвина и польского короля Владислава, лужицкие сербы не успевали интегрироваться ни в одно государство.

Внутренняя их жизнь в XIII–XV вв. характеризовалась развитием феодальных отношений. В области выполения повинностей и выплаты натуральной и денежной ренты, которую в XIV в. получали феодалы, произошел переход к увеличению отработок – различных видов барщины. При этом объективные экономические процессы никак не были

связаны с этнической – славянской или немецкой – принадлежностью крестьян. В XV в. бывшие немецкие колонисты стали такими же бесправными, как и славянское население.

В городах обеих Лужиц также имелась заметная серболужицкая прослойка. Так, в Будишине в 1416 г. жили 567 немецких и 260 серболужицких домовладельцев. Пополнение населения городов серболужичанами происходило за счет соседних деревень.

В XIV в. в городах стали возникать ремесленные цехи, в которых были представлены и лужицкие сербы. С середины XIV в. в цеховых уставах ряда городов появились пункты, запрещавшие принимать серболужицких ремесленников, т.е. в цех допускали только немцев. Это свидетельствует о том, что в городах, основанных немцами в зоне расселения мильчан и лужичан, жило немало славян.

Можно предполагать, что к середине XV в. насчитывалось не менее 170 000 лужицких сербов. Из них в обеих Лужицах жили около 70 000, а остальные – на периферии и на территории серболужицких языковых «островов» в немецкоязычном окружении. При этом если в Верхней Лужице коренное славянское население составляло лишь около половины ее жителей, то в Нижней Лужице серболужичан было подавляющее большинство.

Естественной ассимиляцией, как и языковыми запретами, было обусловлено дальнейшее сокращение зоны расселения лужицких сербов. До 1635 г. обе Лужицы входили в состав Чехии. Поскольку это были окраинные владения Габсбургов, политика последних особого влияния на положение серболужицкого населения не имела.

Реформация и Просвещение

В XVI в. в Германии развернулась Реформация. В целом она имела так называемый «княжеский» характер, т.е. религиозную принадлежность населения определял правитель той или иной земли на основе лютеранского Аугсбургского вероисповедания, принятого в 1555 г. и провозгласившего принцип *чья власть, того и вера*. Хотя обе Лужицы в то время формально входили в состав Чешского королевства, а его главой был католический государь Фердинанд I Габсбург, он не мог воспрепятствовать распространению лютеранства в этих своих владениях – ведь и в самой Чехии 90% населения не были католиками.

Так как экономической основой Реформации была секуляризация церковных земель и другого церковного имущества, в основном немецкие князья и города поддерживали этот процесс. В Лужицах произошла смена вероисповедания, и подавляющее большинство их жителей перешло в лютеранскую евангелическую веру. Только на землях, принадлежавших соборной церкви св. Петра в Будишине и некоторым монастырям в Верхней Лужице, сохранилось католичество.

Сам Мартин Лютер, выдвинув требование богослужения на языке паствы, т.е. в Германии на немецком, был в принципе против использования серболужицкого языка в церковной жизни. Однако славянское население Лужиц не понимало немецкого, поэтому в интересах распространения Реформации лужицкие сторонники Лютера посылали за свой счет молодых серболужичан в Виттенбергский университет, где те готовились к поприщу священников. Серболужицких студентов становилось все больше. В 1550 г. было официально разрешено использовать серболужицкий язык при богослужениях. Реформация побудила евангелическое духовенство перевести на серболужицкий язык главные церковные книги.

Распространение реформационных идей имело для серболужичан неоднозначные последствия. С одной стороны, многие из них, рассеянные по различным областям Германии, стали благодаря богослужению на немецком языке активнее ассмилироваться. С дру-

гой стороны, именно в период Реформации зародилась серболужицкая письменность. Лужицкие сербы получили высокообразованных священников из собственной среды, обучавшихся в университетах не только Виттенберга, но и Франкфурта-на-Одере. В последнем для студентов из числа лужицких сербов стали с середины XVI в. даже проводиться языковые занятия, чтобы облегчить будущим священникам общение с паствой на их родине. Обучение языку, прежде не практиковавшееся в немецких университетах, велось здесь вплоть до середины XVII в. А в 1575 г. в местечке Годжий (Гёда) под Будишином была открыта серболужицкая латинская школа. И хотя повышение уровня культуры касалось лишь отдельных выходцев из серболужицкой среды, с этого времени можно говорить о включении лужицких сербов в общекультурное развитие и об определенном их вкладе в него.

Начавшийся культурный процесс был прерван Тридцатилетней войной в Европе (1618–1648). Лужица неоднократно становилась ареной вооруженных столкновений. Перемещения войск, грабежи, контрибуции и пожары (самый крупный, во время которого погибло около 700 человек, произошел в 1634 г.) тяжким бременем ложились на плечи местного населения. При этом бесчинства в Лужице творили все армии – и вражеские, и союзные: саксонские или брауншвейгские солдаты были ничуть не лучше габсбургских и шведских. Войска занесли в Лужицу различные болезни, начались эпидемии. В результате были опустошены и обезлюдели обширные пространства. Будишин несколько раз подвергался осаде. В 1620 г. к городу подошли саксонцы. Они подожгли его и убили многих жителей. В 1638 г. Будишин захватили шведы, которые наложили на него непосильную контрибуцию, грозя новыми опустошениями. Солдаты разграбили все окрестные деревни. Значительно пострадал также Хошебуз и окружавшие его селения. Подобная участь постигла все серболужицкие территории. Их население уменьшилось более чем наполовину, а в некоторых районах даже на две трети. К 1635 г. многие деревни и города совершенно обезлюдели. На периферии Лужицы увеличилось число немцев-переселенцев, что привело к дальнейшему сокращению серболужицкого языкового пространства.

В 1635 г. Верхняя и бóльшая часть Нижней Лужицы перешли от Чехии к Саксонии (лишь нижнелужицкие земли округа Хошебуз и «вендского» уезда Курмарки достались курфюрсту Бранденбургскому). Саксонский правитель, протестант, получивший господство над обеими Лужицами в результате политических переговоров и соглашений с католическим лагерем, сохранил здесь прежние конфессиональные отношения. Кроме того, несмотря на централизацию административной власти, серболужицкий язык немецким не вытеснялся. Однако после Тридцатилетней войны значительно изменилось экономическое положение региона. Стремление получать от сельского хозяйства как можно больше прибыли привело к переходу от рентовой формы хозяйства к товарной. Увеличивались дворянские владения, крестьян сгоняли с земель и принуждали к юридически не ограниченной барщине. Особенно суровыми были распоряжения курфюрста Бранденбургского (1653), касавшиеся положения его подданных.

Таким образом, сельское население подавляющего большинства районов серболужицкой области находилось в несравненно худшем социальном положении, чем жители самих Саксонского и Бранденбургского курфюршеств. Серболужицкое и немецкое население отчаянно сопротивлялось усилившейся эксплуатации, однако все крестьянские восстания жестоко подавлялись войсками. Началось массовое бегство крестьян. С 1631 по 1720 г. из Верхней Лужицы бежали 8 000 человек, обязанных нести барщинные повинности. Этот процесс отрицательно сказался на состоянии серболужицкого этноса. Доля его

уменьшалась, а опустевшие деревни заселялись немцами. Германизация края усиливалась.

К концу XVII в. подверглась еще большему ограничению сфера употребления серболужицкого языка. В государствах, которым принадлежали территории расселения лужицких сербов, происходило становление абсолютизма, а централизация формы правления приводила к интегрированию серболужичан в общую массу населения, что выражалось в целенаправленном вытеснении их языка из общественной жизни.

Особенно жесткими были действия властей в бранденбургской части Нижней Лужицы. Прежде всего здесь были собраны и, так сказать, «взяты под стражу» все серболужицкие книги и рукописи. В XVIII в. немецкий язык через школу и церковь стал интенсивно внедряться в умы подрастающего поколения серболужичан. Эта германизаторская политика оправдывалась тем, что лужицким сербам будто бы была присуща «укоренившаяся ненависть» к церковной администрации и склонность к неповиновению. Отсюда делался вывод, что серболужицкий язык должен постепенно изгоняться из церковных стен, поскольку это «язык безбожников». В 1667 г. курфюрст Бранденбургский распорядился уничтожить всю серболужицкую письменность и полностью запретить богослужение на серболужицком языке. В результате подчиненная курфюрсту территория потеряла значительную долю серболужицкого населения. Также и король Фридрих Вильгельм I в период с 1717 по 1735 г. издал ряд указов, направленных против серболужицкого языка. Согласно им, лужицким сербам следовало доверять только в том случае, если они владели немецким языком; употребление же серболужицкого наказывалось денежным штрафом. Король приказал всем проповедникам и учителям распространять немецкий язык и искоренять серболужицкий. Однако в районе Хошебуза как раз в это время вспыхнули многочисленные восстания серболужицких крестьян, недовольных своим социально-экономическим положением, и в такой обстановке церковь не стала поддерживать германизаторские меры, боясь обострить ситуацию.

В Верхней Лужице курфюрст Саксонский, опасаясь рекатолизации, проходившей по всей Европе, проводил более умеренную политику, поэтому серболужицкий язык и культура могли здесь развиваться без особых препятствий. Только с 1668 по 1728 г. вышла из печати 31 книга на серболужицком языке. При поддержке властей в 1690 г. была учреждена комиссия по изданию серболужицких сочинений, дававшая разрешение на выпуск той или иной книги.

XVIII столетие было веком Просвещения, когда последователи новой идеологических течений вступили в борьбу с отжившими средневековыми представлениями. Деятели эпохи Просвещения интересовались жизнью народа, уделяли много внимания развитию языка. Охватив многие европейские государства, Просвещение нашло своих приверженцев и среди лужицких сербов. К этому времени их общество состояло не только из крестьян, но и из горожан, а также слоя интеллигенции, представленного священниками обеих конфессий. Просвещение проникало в среду серболужицкой интеллигенции из немецких университетов, где велась работа по изучению происхождения народов и их языков.

Факт принадлежности лужицких сербов к семье славянских народов одним из первых в Лужице осознал верхнелужицкий евангелический священник, переводчик Нового Завета, заложивший основы протестантского варианта верхнелужицкого литературного языка, **Михал Френцель** (1628–1706). Сохранившаяся копия письма Френцеля русскому царю Петру I демонстрирует глубокое славянское чувство автора и его любовь к своему народу.

Дело Михала Френцеля продолжил его старший сын **Абрахам Френцель** (1656–1740), также священник. Он писал научные сочинения о родном языке, о народных обычаях и костюмах, о серболужицкой мифологии и о природе Лужиц. А. Френцель составил также словарь, в котором попытался объяснить происхождение многих серболужицких слов.

Приблизительно в то же время католический священник **Юрий Хавштын Светлик** (1650–1729) перевел в 1688–1707 гг. полный текст Библии, создав тем самым католический вариант верхнелужицкого литературного языка.

Вторым после Будишина культурным центром лужицких сербов стал Хошебуз, где в 1709 г. нижнелужицкий перевод Нового Завета издал **Богумил Фабрициус** (1681–1741).

Положительное влияние на дальнейшее развитие серболужицкой культуры оказала идея пиетизма, разделявшаяся рядом представителей немецкого раннего Просвещения. Родоначальником пиетизма был основатель университета в Халле **Филипп Якоб Шпенер** (1635–1705). Пиетисты осуждали повседневную практику германизации, ратовали за подъем народного просвещения и за преодоление неграмотности, настаивали на необходимости издавать религиозную литературу для народа. Под их влиянием в маркграфстве Верхняя Лужица и в районе Хошебуза было положено начало деревенскому школьному просвещению на основе родного языка, были также учреждены первые заведения по подготовке учителей. Немецкие пиетисты-дворяне за счет собственных средств посылали в Халле своих подданных из числа молодежи, чтобы обеспечить местные церковные приходы серболужицкими священниками.

Если на первом этапе культурное развитие лужицких сербов зиждилось на деятельности отдельных энтузиастов, то с XVIII в. стали возникать целые организации, возглавившие этот процесс. Так, в 1716 г. серболужицкие студенты-богословы в евангелическом Лейпцигском университете основали «Серболужицкое проповедническое общество», на заседаниях которого его члены практиковались в родном языке, приготовляясь таким образом к будущей деятельности. Из лейпцигского кружка вышло много литераторов и деятелей науки. Среди них был известнейший серболужицкий ученый того времени **Адам Богухвал Шерах** (1724–1773), работавший в различных областях как гуманитарных, так и естественнонаучных знаний. Международную славу ему принесли прежде всего многочисленные труды по пчеловодству. По примеру лейпцигских коллег в 1749 г. аналогичное общество создали лужицкие сербы в Виттенбергском университете.

Молодые серболужицкие католики готовились к священнической деятельности в Польше и в Чехии. В 1706 г. в Праге с помощью одного из католических монастырей, а также благодаря усилиям самих лужицких сербов возник как землячество Лужицкий – или Серболужицкий – семинарий (*Seminarium Vinidorum*), просуществовавший два столетия и ставший важным очагом национальной жизни. В духе Просвещения семинарий прививал своим питомцам знания о серболужицком языке и культуре. Начиная с 1797 г., здесь каждую неделю проводил занятия по славянским языкам и литературам выдающийся чешский ученый-славист **Йозеф Добровский** (1753–1829). После Й. Добровского патриотическим воспитанием семинаристов занялся деятель чешского национального возрождения **Вацлав Ганка**, который в двадцатые годы XIX в. создал также серболужицкое отделение Чешского Национального музея в Праге. В 1846 г. в стенах семинария возникла «Сербовка» – студенческое общество, из рядов которого в течение многих десятилетий выходили серболужицкие патриоты, возглавлявшие процесс национального пробуждения и так называемое *млодосербское* движение.

Под влиянием идей позднего Просвещения интерес к языку, истории и культуре серболужицкого народа начали проявлять также немецкие ученые. Бывший член «Серболу-

жицкого проповеднического общества» в Лейпциге **Георг Кёрнер** (1717–1772) стал первым немцем, который интенсивно изучал язык и историю серболужичан; в 1766 г. он опубликовал работу «Филолого-критическое рассуждение о вендском языке и его пользе для наук». **Христиан Кнаут** (1706–1784), священник из Верхней Лужицы, в 1767 г. опубликовал труд «Обстоятельная церковная история так называемых верхнелужицких сербовендов», явившийся подлинной энциклопедией сорабистики. Научную основу для изучения соответствующей отрасли знаний создал своей «Нижнелужицкой вендской грамматикой» **Иоганн Готтлиб Гауптманн** (1703–1768).

В 1779 г. в Згорельце было основано «Верхнелужицкое научное общество», членами которого стали немецкие и серболужицкие ученые, а также представители других национальностей. Инициатором создания этого общества был ставший его секретарем **Карл Готтлоб фон Антон** (1751–1818), внимание которого привлекали филологические, исторические и сельскохозяйственные проблемы. Весьма интересовался он и серболужицкими вопросами и даже написал сочинение о языке этого народа.

Таким образом, серболужицкие и немецкие деятели Просвещения стимулировали изыскания в области сорабистики и сами их проводили, ратовали за защиту и разработку серболужицкого языка и культуры, инициировали издание нравоучительных и школьных книг и прилагали усилия к улучшению дела образования. Вся эта деятельность способствовала укреплению самосознания в народной среде и подготовила благоприятную почву для явления, получившего в науке название серболужицкого национального возрождения, которое внесло решающий вклад в консолидацию серболужицкого этноса в новое время. В XVIII в., однако, культурный уровень большей его части оставался довольно низким. Научные исследования и отдельные культурные мероприятия являлись делом одиночек – идеологов Просвещения.

При этом политика германизации, проводившаяся в отдельных областях в отношении лужицких сербов, а также тяжелое экономическое угнетение вызвали уменьшение доли серболужицкого элемента в крае – прежде всего в Нижней Лужице. К концу XVIII в. территория сплошного расселения лужицких сербов сократилась более чем вдвое по сравнению с началом XVI в. Серболужицких деревень оставалось около тысячи; 500 из них располагались в Верхней Лужице, 300 в Нижней, остальные за их пределами. Это означает, что за 150 лет в результате естественной ассимиляции и германизаторской политики властей в Верхней Лужице исчезло 90, а в Нижней до 300 серболужицких деревень.

В области экономики в Европе XVIII в. происходило развитие капитализма. Также и в Лужице основываются мануфактуры, а помещичьи хозяйства, где в основном использовался подневольный крестьянский труд, переживают кризис. Крестьяне эксплуатировались до такой степени, что у них не оставалось возможностей для собственной хозяйственной инициативы. Кроме того, у сельского населения отсутствовала образовательная база, которая могла бы способствовать его ориентации на новые формы ведения хозяйства. В народной массе господствовали суеверие и невежество, мало кто умел даже поставить свою подпись. Оплата труда учителей была скудной, а их общественное положение низким. Лишь изредка преподавание велось хорошо подготовленными учителями, большинство же ограничивалось основами счета, письма и чтения. Другие школьные предметы почти повсеместно отсутствовали. Только в последней трети XVIII в. отдельные энтузиасты стали основывать учительские семинарии. В Будишине в 1797 г. одно такое заведение посещали всего 10 слушателей. Тяжелое материальное положение крестьян заставляло их наниматься на мануфактуры; дети тоже в меру сил трудились и в школы не ходили.

Однако администрация не считалась с этими объективными фактами. По мнению государственных чиновников, причиной необразованности лужицких сербов являлся их «убогий язык», который якобы служил преградой на пути истинного просвещения, а потому его следовало искоренить. В противоположность такой позиции отдельные современники – просвещенные представители церкви, учителя и чиновники – видели истинные причины бедственного положения дел в феодальных отношениях. Они критиковали действия по вытеснению серболужицкого языка из церковной жизни. Так, в Нижней Лужице **Ян Зигмунд Бедрих Шиндлар** (1758–1841) издал многочисленные серболужицкие сочинения, в том числе наставления и проповеди, а также «Малый немецко-вендско-русско-польский словарь» (1813). Своими работами он внес вклад в развитие школьного дела и в распространение серболужицкой письменности. Также педагог **Дабит Богувер Глован** (1788–1865), который публиковал церковные песнопения, проповеди и назидательные сочинения, пользовавшиеся большой любовью населения, требовал, чтобы в школьном обучении использовался наряду с немецким и серболужицкий язык. И он, и его коллеги считали, что наибольшую пользу в улучшении работы школ принесет изменение юридического статуса как правящих кругов, так и отдельных подданных. Под этим он имел в виду изменение всего экономического устройства и отказ от крепостного права.

Действия в духе Просвещения по распространению знаний в народной среде считал своей главной целью **Ян Дейка** (1779–1853), издатель верхнелужицкой газеты «Сербский рассказчик и курьер». Она выходила с 1809 по 1812 г. и информировала публику о политической жизни в Германии, выступая при этом против всевозможных германизаторских устремлений. Дейка настойчиво защищал права лужицких сербов в области использования родного языка и выдвигал требования обучения детей в серболужицких школах и равноправия для всего народа, видя предпосылку успешного развития лужицких сербов в устранении крепостничества.

Простой народ тоже был убежден в необходимости изменения аграрных отношений в целях улучшения его жизни. Под впечатлением событий во Франции 1789–1799 гг. в Лужице началось широкое крестьянское движение под лозунгом «У нас должно быть так, как во Франции, долой всех дворян!»

Французская революция конца XVIII в. способствовала устранению феодальных отношений в Европе, сохранившихся лишь местами в качестве пережитка. Вслед за этим начались наполеоновские войны, с которыми были сопряжены надежды многих народов на освобождение. Однако свобода, опирающаяся на иностранные штыки, оказалась иллюзорной. Лужица в это время снова стала ареной боевых действий. В 1813 г. французская армия и ее саксонские союзники в битве под Будишином потерпели поражение от прусских и российских войск. Жители окрестных деревень лишились всего своего имущества. Серболужицкие солдаты воевали также в армии своего государя и, в частности, приняли участие в битве под Лейпцигом.

В результате Венского конгресса 1815 г., когда перекраивалась карта Европы, Лужица была заново разделена. Пруссия уступила России большинство принадлежавших ей польских земель, но взамен получила значительную часть территории Саксонского королевства, по Рейнскую область, Вестфалию и западную часть Померании. Сохранявший верность Наполеону саксонский правитель Фридрих Август утратил всю Нижнюю Лужицу, а из верхнелужицких его владений к Пруссии отошла область Згорельца. После этого 200 000 лужицких сербов оказались под владычеством Пруссии и только 50 000 их остались в Саксонии. Таким образом, различавшиеся и до этого в конфессиональном и языковом отношениях лужицкие сербы очутились в разных государствах.

Установленная Пруссией новая граница рассекла Верхнюю Лужицу на две части. При этом учитывались исключительно военные интересы, а не сложившиеся ранее связи населения. Во многих случаях граница пролегала даже через один и тот же приход, так что некоторые деревни оказались не в том государстве, где находилась приходская церковь. В разных государствах очутились также владения католического монастыря *Мариина Гвезда* (Мариенштерн). В результате серболужицкая территория была вновь разорвана, а традиционные связи внутри нее нарушены. Отошедшая к Пруссии часть Верхней Лужицы была присоединена к провинции Силезия; тем самым прусская часть Верхней Лужицы оказалась интегрирована в строго организованную структуру Прусского государства. Отрицательные последствия этого не замедлили сказаться. В каждом административном районе отныне лужицкие сербы оказались в меньшинстве. Если в той части Верхней Лужицы, которая осталась во владении Саксонии, лужицкие сербы составляли четверть населения, то в прусских провинциях их доля едва превышала 6%. Распыление этноса по разным административным единицам препятствовало объединению лужицких сербов и совместным усилиям по развитию языка и культуры. Было затруднено распространение серболужицкой литературы, ослабли контакты между представителями серболужицкой интеллигенции, разделенной государственными границами.

Национальное возрождение

В конце XVIII – XIX вв. все славянские народы, не обладавшие собственной государственностью и находившиеся в составе Австрийской монархии, Италии и Османской империи, пережили период общественного подъема, для которого было характерно стремление возродить национальный язык и культуру ради их будущего развития. Это движение получило название *славянское национальное возрождение*. По аналогии с чехами, для которых данный процесс являлся действительно возрождением высокоразвитых прежде традиций литературного языка и духовной культуры, опиравшихся на собственную государственность, этот термин используется и по отношению к тем славянским народам, у которых культурное развитие и формирование литературного языка только начиналось. К таким народам следует отнести и лужицких сербов, так как у них происходило скорее пробуждение национального самосознания и становление на этой почве культуры нового времени.

Процесс национального возрождения славян протекал в период бурного развития капитализма и промышленной революции в Европе. Эти факторы предполагали изменение социального положения основного «поставщика» рабочей силы – крестьянства, освобождаемого от крепостной зависимости. В Пруссии она была устранена в 1807–1825 гг., в Хошебузском крае в 1819, в прусской части Верхней Лужицы в 1821, а в саксонской – в 1832 г. В результате ликвидации крепостничества стали формироваться новые общественные слои: буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция. В саксонской части Лужиц возник значительный слой зажиточного крестьянства, что впоследствии повлияло и на культурную жизнь саксонских серболужичан. Мелкобуржуазная интеллигенция стала носителем их национального самосознания и движущей силой национального возрождения. Ее деятельность опиралась именно на серболужицких крестьян.

В то же время буржуазные отношения привели к дифференциации серболужицкого населения. Наряду со среднезажиточным и мелким крестьянством появился слой крестьян безземельных, так как при освобождении от крепостной зависимости требовался выкуп за земельный участок. Беднейшие крестьяне и их дети уходили на наемную работу в города

– Дрезден, Берлин и другие, где быстро германизировались. Немецкие хозяева выкупали земли лужицких сербов и колонизовали деревни, где раньше жили безземельные серболужицкие крестьяне. За 15 лет, прошедшие со времени ликвидации феодальных повинностей, в 17 ранее чисто серболужицких деревнях было уже 16% немецкого населения. В течение первой половины XIX в. общее число лужицких сербов уменьшилось с 245 000 до 164 000, что было результатом внутренней миграции и громадного оттока неимущих слоев славянского населения из Лужицы на работу в других частях Германии.

Возможности серболужицкой интеллигенции в борьбе за национальное возрождение в различных регионах Лужицы были неодинаковымы, что зависело от того или иного положения серболужицкого языка в общественной жизни и во многом от законов о школе. Прусские власти, которым подчинялось 80% всего серболужицкого населения, ограничивали употребление этого языка. Усилилась тенденция назначения немецких священников и учителей в серболужицкие приходы и школы, запрещались серболужицкие печатные издания. В саксонской же части Верхней Лужицы все еще проводилась толерантная языковая политика, которую, продолжая традиции XVIII в., поддерживали местное дворянство и городские власти. В 1831 г. в ходе проведенной тогда государственной реформы Верхняя Лужица утратила особый правовой статус и оказалась в полной зависимости от правительства Саксонии. Тем не менее администрация Дрездена решила продолжать политику терпимости, чему способствовали народные движения тридцатых годов, к которым присоединилась и часть серболужицкого населения. Сыграло свою роль и укрепившееся уже национальное самосознание серболужицкого этноса. 18 евангелических священников от имени 50 000 земляков подали властям петицию о равноправном использовании серболужицкого языка в общественной жизни. В дальнейшем предлагалось придерживаться следующего принципа: «Если и следует по многим причинам пожелать прихода к такому положению, когда все граждане государства в полной мере овладеют немецким языком, то все же в планы государственной администрации никак не может входить стремление заставить вендов с помощью прямых или косвенных принудительных мер отказаться от их национального языка». В отличие от Пруссии, саксонские власти разрешали вести обучение чтению и Закону Божию на серболужицком языке и оформили это юридически в § 28 закона о школе 1835 г.

Первый этап серболужицкого национального возрождения начался за пределами Лужицы. В 1814 г. два молодых патриота, **Андрий Любенский** (1790–1840) и **Адольф Клин** (1792–1855), воссоздали прекратившее свою деятельность в период наполеоновских войн «Серболужицкое проповедническое общество» в Лейпциге. Студенты начали собирать народные песни, предания, сказки, пословицы. Выполняя письменные и устные упражнения, они совершенствовали знание родного языка, образцовое владение которым было для них главной целью. Любенский занимался в научном плане обоими серболужицкими языками. Вместе с другими студентами он составлял серболужицкую грамматику и словарь. Оба проекта остались незавершенными, но благодаря усилиям Любенского и с его непосредственной помощью **Хандрий Зейлер** (1804–1872), впоследствии знаменитый серболужицкий поэт, в 1830 г. сумел издать «Краткую грамматику серболужицкого языка согласно будишинскому диалекту». Зейлер вместе со своим товарищем по студенческим годам **Хендрихом Августом Кригаром** (1804–1858) привел к расцвету собственно славянскую секцию этого проповеднического общества, известную под названием «Сорабия». В Лейпциге он выпускал рукописную газету, в которой члены «Сорабии» помещали свои литературные опыты.

Начиная со второго десятилетия XIX в., стали интенсивно развиваться контакты лужицких сербов с другими славянскими народами. Эти контакты были отмечены духом славянской взаимности, т.е. уверенности в том, что все славянские народы родственны и должны стремиться к культурному сближению при одновременном сохранении самобытности каждого из них. Сознание принадлежности к великой славянской семье укрепляло национальное самосознание лужицких сербов и положительно влияло на развитие их культуры. Зарубежные славянские ученые переписывались с ведущими деятелями серболужицкого возрождения, обмениваясь с ними опытом и идеями, завязывали узы личной дружбы. Многие из них посещали Лужицу. Так, в 1822 г. в Лужице побывал профессор Виленского университета М. Бобровский, в 1825 г. – знаменитый чешский ученый, ранее наставник серболужицких студентов в Праге Й. Добровский, в 1826–1827 гг. – польский славист А. Кухарский. В последующие десятилетия контакты с другими славянскими народами стали важным фактором национального и культурного подъема в жизни серболужичан.

В серболужицком национальном возрождении принимала участие достаточно широкая прослойка этого этноса: священники, учителя, студенты. Следует полагать, что идеи сохранения национальной самобытности глубоко проникали и в другие слои населения: крестьянскую, ремесленную среду и т.д. Образованные слои народа были преисполнены энтузиазма и отдавали все свои силы делу сохранения национального языка и культуры. В университетах молодые серболужичане, приобщаясь к важнейшим духовным течениям своей эпохи, знакомились со сверстниками из других славянских областей, находившихся в аналогичной ситуации. Общность судеб и воля к созданию лучших условий национальной жизни побуждали славян к более тесному сближению. Идея славянской взаимности была главным стимулом уверенности в том, что родному языку и собственной культуре суждено сыграть ведущую роль в сохранении национальной самобытности, как и в том, что в этой борьбе за свои права и свободы отдельные славянские народы не одиноки. На этой основе стали формироваться студенческие союзы, поскольку в первую очередь именно молодежь была охвачена новыми веяниями.

Так, в 1838 г. серболужицкие и немецкие студенты, учившиеся в Бреслау (Вроцлаве), организовали там Академическое объединение по изучению лужицкой истории и языка. Появились и гимназические союзы и кружки. В 1839 г. в Будишинской гимназии возникло общество *Societas Slavica Budissinensis*, которое уже в силу его географического положения призвано было сыграть важную роль. Когда в апреле 1839 г. деятель словацкого национального возрождения **Людовит Штур** (1815–1856) посетил гимназистов Будишина, он сказал им: «Вы слабы, поэтому объединяйтесь с нами, чтобы на основе этого союза стать сильнее… Если вы будете терпеливо работать, то нация ваша не погибнет, а напротив, расцветет в новом блеске». Другой словак, **Ян Коллар** (1793–1852), автор теоретических работ о славянской взаимности, писал серболужицким гимназистам: «Прошу вас, поддерживайте взаимность... лишь она может освободить и нас, и вас. Объединяйтесь с нами, чтобы благодаря этому союзу стать могучими».

В 1839–1840 гг. в собственный союз объединилась и молодежь в будишинском семинарии, где проходило подготовку большинство учителей Верхней Лужицы. В Лейпциге в 1841 г. серболужицкие, польские и чешские студенты основали Академический славянский союз, в котором занимались родными и изучали другие славянские языки, готовили научные труды и читали славянские газеты и книги. С 1846 г. посредником при установлении и развитии контактов с другими славянскими народами выступал кружок «Сербовка» при пражском Серболужицком семинарии. В Нижней Лужице первый подобный союз

возник лишь в 1849 г.: хошебузские гимназисты объединились в общество «Лужица», которое, однако, просуществовало всего три года.

В сороковые годы XIX в. одним из лидеров серболужицкого национального возрождения был ученый и публицист **Ян Петр Йордан** (1818–1891), питомец Серболужицкого семинария в Праге, где по окончании Малостранской гимназии он изучал философию, богословие, а также славянские языки. Уже в 1837 г. Йордан опубликовал статью под названием «Кое-что о лужицких сербах, или вендах», став затем постоянным сотрудником пражского немецкоязычного журнала «Восток и Запад». В дальнейшем Йордан занимался славистикой, собирал серболужицкие народные песни и изучал язык, ставя своей целью создать новые правила правописания. В Праге же в 1841 г. он издал труд «Грамматика вендо-сербского языка в Верхней Лужице, согласно системе Добровского изложенная», после чего перебрался в Лейпциг. В 1842 г. он начал выпускать газету «Ютничка», которая печаталась в Будишине на основе новой серболужицкой орфографии. Спустя полгода ее сменил журнал под названием «Сербска Ютничка», однако после двух вышедших в Лейпциге номеров он прекратил свое существование. Получив должность лектора славянских языков и литератур в Лейпцигском университете, Йордан в течение 1843–1848 гг. издавал «Ежегодник славянских литератур, культур и наук», который, выходя на немецком языке, призван был познакомить западные страны со славянской культурной жизнью. «Всеславянским органом», как предполагал Йордан, журнал не стал. Однако, публикуя в нем (а затем и в других изданиях) разнообразные материалы, в частности, и о России, этот серболужицкий деятель внес существенный вклад в распространение знаний о славянстве в Европе.

Центральной фигурой серболужицкого национального возрождения является **Ян Арношт Смолер** (1816–1884). Все мероприятия, направленные на сохранение серболужицкой народности, развитие в ней национального самосознания и сопротивление германизации, с начала 40-х вплоть до начала 80-х гг. XIX в. осуществлялись по его инициативе и при самом активном его участии. Реформа правописания, собирание и публикация народных песен, издание серболужицких газет и журналов, основание серболужицкого издательства и книжного магазина, организация «Матицы Серболужицкой», сооружение *Сербского дома* в Будишине как центра национальной и культурной жизни – все это реализовалось в первую очередь благодаря Я. А. Смолеру, его глубокой вере в возможность национального возрождения, его разносторонним способностям и организаторскому таланту, благодаря его несгибаемой воле в борьбе за достижение поставленных целей. В истории культуры немного таких примеров, когда деятельность отдельной личности уже при ее жизни дает столь ощутимые результаты, каких добился Смолер в деле национального пробуждения своего народа.

Я. А. Смолер родился в деревне Лучо в семье серболужицкого учителя. Окончив гимназию в Будишине, он до 1840 г. проходил курс обучения на богословском факультете университета в Бреслау, затем изучал славянские языки и литературу под началом известного деятеля чешского национального возрождения поэта Ф. Л. Челаковского. Еще в гимназии он организовал кружок, где преподавал своим соученикам родной язык. В каникулы Смолер путешествовал по Лужицам, записывал песни и другие произведения фольклора. Он первым собрал сведения о том, где проходят границы расселения этого этноса и сколько лужицких сербов живет в Пруссии и Саксонии. Результатом этих изысканий стало его собрание «Песни верхне- и нижнелужицких сербов» (издано совместно с Л. Гауптом в 1841–1843 гг.). Труд был высоко оценен не только славянами, но и немцами, например, братьями Гримм. Смолер продолжил начатую Я. П. Йорданом работу по

реформе правописания. С целью расширения знаний о серболужицком языке, а также внедрения нового правописания Смолер издавал филологические исследования, пособия по языку, словари, организовывал кружки по изучению языка и сам преподавал его. Для развития языка и укрепления его позиций необходимы были печатные органы. Смолер поддерживал все начинания в этой области. Он сотрудничал в «Ютничке» Йордана и в еженедельнике «Тыдженска Новина», многолетним редактором которой был Х. Зейлер. В 1849 г. Смолер становится редактором этой газеты, а в 1850–1854 гг. и ее издателем. Переименованная в «Сербске Новины», эта газета издавалась им до конца жизни. С 1860 г. Смолер издавал журнал «Лужичан». Несколько раз Смолер брался за выпуск периодических изданий на немецком языке, чтобы ознакомить возможно более широкие круги общественности с сответствующими материалами, особенно со славянскими литературами.

В 1848–1849 гг. Европу охватила революция, которая нашла широкий отклик также в Лужице. Лужицкие сербы не стояли в стороне от событий, выдвигая свои национально-культурные и социальные требования. В борьбе приняла участие и крестьянская масса этого этноса.

Однако в среде серболужицкой интеллигенции не было единодушия. Консервативная ее часть решительно осуждала революционные действия, призывая лужицких сербов оставаться «верноподданными своих государей» и терпеливо ожидать уступок от властей. Умеренно-либеральная часть, составлявшая большинство, поддерживала крестьян, прежде всего в деле отстаивания их национально-языковых интересов. В результате компромисса саксонскому правительству была послана подписанная пятью тысячами владельцев личных хозяйств петиция – *Великое прошение сербов* – с требованием признания прав серболужицкого языка, использования его в церкви и школе, в административных органах и в суде. Демократически настроенные деятели дистанцировались от этой акции. Я. А. Смолер возлагал надежды на принятую Франкфуртским национальным собранием немецкую конституцию, провозгласившую демократическую республику с полным политическим и культурно-языковым равноправием всех народов. Но весной 1849 г., когда революция в Саксонии вступила в последнюю фазу и русский анархист Бакунин попытался привлечь серболужицких крестьян к вооруженному восстанию в Дрездене, Смолер отказал ему в содействии.

Революция была подавлена, и Саксония вернулась к старым порядкам. Серболужицкая интеллигенция, не добившись от правительства признания культурного и языкового равноправия лужицких сербов, в дальнейшем вынуждена была поддерживать развитие этноса собственными силами, без государственной помощи. Власти обещали лишь – да и то в перспективе – разрешить преподавание на серболужицком языке в Будишинской гимназии и в учительском семинарии, проведение в Дрездене для представителей обеих конфессий серболужицких богослужений, публикацию на серболужицком языке государственных законов и актов, а также издание серболужицко-немецких школьных учебников. От национального равноправия серболужичане, как и ранее, оставались очень далеки, хотя саксонское правительство продолжало осуществлять прежнюю концепцию либеральной языковой политики и все же пошло на некоторые уступки, облегчавшие дальнейшее развитие серболужицкой культуры. Разочарованные исходом революции 1848–1849 гг., многие стоявшие во главе движения лужицкие сербы сошли с политической сцены, иные же подверглись преследованиям и репрессиям.

Крестьяне продолжали страдать от многочисленных феодальных пережитков, поборов и отработок; не добились они и пересмотра налогового законодательства. В 1849 г. в Верхней Лужице действовали 22 крестьянских объединения, насчитывавшие почти две

тысячи членов. Однако после революции все эти объединения распались. Нищета, национальное бесправие и препятствия при отправлении религиозных обрядов со стороны официальной протестантской церкви побудили многих лужицких сербов переселиться за океан. Первая волна эмиграции относится к 40-м годам XIX в., а десятилетием позже эмиграция из Лужицы достигла наивысшей точки. В 1854 г. 600 лужицких сербов основали в штате Техас поселение Сербин. Несколько десятков лет эмигранты еще говорили между собой по-серболужицки – в том числе в церкви и в школе. В 1849 г. около 150 семей из Верхней и около 200 семей из Нижней Лужицы уехали в Австралию и поселились близ Мельбурна. За ними последовали другие. Только из района Хошебуз в 1850-е годы уехала тысяча лужицких сербов. Так как эмигранты обычно объединялись с немецкими переселенцами, серболужицкий язык исчезал из их обихода уже во втором поколении.

Лишь в 1860-е годы национальная жизнь лужицких сербов вновь несколько оживилась. Просвещением народа занималась «Матица Серболужицкая», основанная в 1847 г. по примеру подобных организаций у других славян. Членами «Матицы» были в основном интеллектуалы, но в нее входили и представители крестьянства, а также городского и сельского среднего сословия. «Матица» поддерживала контакты с «Верхнелужицким научным обществом» в Згорельце, а также связи со всеми другими славянскими «Матицами» и с русскими учеными обществами, как и с немецкими обществами в Штеттине и Шверине, которые занимались историей славян Померании (т.е. балтийского Поморья). «Матица» вела активную издательскую деятельность. С 1849 по 1865 г. ее усилиями увидели свет 282 наименования книг и журналов. С 1848 г. она издавала также свой печатный орган – «Часопис Мачицы Сербскее». В 1862 г. в Лужице возникли первые общества по распространению серболужицкой литературы.

В 1858 г. секретарем «Матицы» стал **Михал Горник** (1833–1894), в дальнейшем видный языковед, писатель, переводчик, редактор, основатель журналов «Лужичан» и «Сербски господар». Горник родился в деревне Ворклецы под Каменцем, в 1847–1856 гг. обучался в Праге, по окончании Малостранской гимназии – на богословском факультете университета, будучи все эти годы питомцем Серболужицкого семинария, членом и в конце старостой студенческого кружка «Сербовка». После этого он служил священником в Будишине, а с 1889 г. являлся асессором консистории и каноником капитула св. Петра. В 1860-е годы Горник занял ведущее место в серболужицкой культурной жизни. С 1873 г. он исполнял обязанности заместителя председателя «Матицы», а в 1882 г. был избран ее председателем. Наряду с активной общественной деятельностью М. Горник писал значимые научные сочинения. Особенно известен он своей «Историей серболужицкого народа», написанной совместно с поляком В. Богуславским и изданной в Будишине в 1884 г.

В начале 1860-х годов в силу ряда политических обстоятельств несколько изменилось к лучшему положение в прусских районах Лужицы. Стремясь сдержать растущее недовольство серболужичан, правительство пошло на некоторые уступки. Еще в 1856 г. было введено факультативное изучение серболужицкого языка в Хошебузской гимназии и был издан ряд серболужицких школьных учебников; кроме того, власти разрешили использовать серболужицкий язык при обучении Закону Божию и чтению. Эти меры, оценивавшиеся патриотами как «практический гуманизм», позволяли им надеяться на перелом плачевной ситуации, сложившейся в Нижней Лужице, где большинство лужицких сербов вообще не знало родной грамоты. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. В результате франко-прусской войны 1870–1871 гг. возникла Германская империя под эгидой Пруссии, и обстановка в стране вновь стала крайне неблагоприятной для серболужицкого меньшинства.

В кайзеровской Германии

Во второй половине XIX столетия в Германии продолжал наращивать мощь капитализм: сооружались железные дороги, развивалась текстильная промышленность, возникали гранитные каменоломни, развертывалось машиностроение и стеклопроизводство. Появились и предприятия по добыче бурого угля и прессованию его в брикеты. Для организации производства создавались акционерные общества. Все эти процессы изменили лицо Лужицы. Железные дороги положили конец изоляции многих районов, что привело к постепенному изменению их национальной структуры. Развивающая промышленность требовала привлечения все новых рабочих, которые набирались из местного серболужицкого и немецкого населения, а также из перебиравшихся сюда немцев и поляков. Например, в районе Злы Коморов (Зенфтенберг) число рабочих, занятых на добыче бурого угля, возросло с 450 в 1871 до 1300 в 1890 г., а еще через десять лет их было уже 10 600. Таким образом, индустриализация Лужицы привела к существенным изменениям в национальном составе населения в связи с массовым наймом рабочей силы из других регионов; это вызвало и быстрый переход местного серболужицкого населения к двуязычию. Одновременно распалась аграрная структура больших территорий. Ускорился процесс дифференциации сельского населения, что привело к существенному изменению демографического состава. Многие крестьяне обнищали, были вынуждены покидать свои мелкие хозяйства и наниматься рабочими на предприятия или в поденщики к крупным землевладельцам. При этом не все находили работу в Лужице, нередко приходилось искать ее в далеких больших городах, поступая там в услужение. В Лейпциге, Хемнице и других местах выходцы из Лужицы нанимались в кучера, лакеи, няньки, кормилицы, иногда сами владели небольшими предприятиями по извозу или мастерскими. В 1900 г. 10 000 лужицких сербов жили вне своей этнической территории.

После объединения Германии в 1871 г. по всей империи распространился дух юнкерской Пруссии. Серболужичане стали объектом постоянного национального давления. Немецкий народ систематически воспитывался в ненависти к славянским меньшинствам, особенно к лужицким сербам и полякам. Господствующие классы стремились искоренить славянские меньшинства в стране, чтобы подготовить экспансию на восток. Внутри Германии применялись шовинистические методы натравливания народов друг на друга. Правительство Бисмарка изменило школьную политику и стало отбирать у лужичан то, чего они добились в предшествующие десятилетия. В 1875 г. во всех школах Легницкого края (Силезия) были запрещены серболужицкие и серболужицко-немецкие учебники. Запрещалось также обучать детей чтению на родном языке и использовать его в церковном пении. Обучение в школах предписывалось проводить только по-немецки. Детям из серболужицких семей запрещалось говорить между собой на своем языке, иначе им грозили телесные наказания, а на родителей налагались денежные штрафы. Таким образом, школа стала активным проводником прусской национальной политики. Также и в Саксонии школьный закон 1873 г. ограничивал употребление серболужицкого языка: если раньше разрешалось использовать его в преподавании наряду с немецким, то теперь учебный материал объяснялся лишь по-немецки. Закон Божий преподавался по-серболужицки только тогда, когда в соответствующих общинах на этом языке совершались церковные обряды.

Германизации способствовало также пренебрежение к подготовке серболужицких учителей. Постоянно возрастало число вакантных учительских мест, на которые направля-

лись немецкие учителя. Германизаторскую политику проводила и евангелическая церковь. В 1897 г. в 26 серболужицких приходах было 14 немецких священников, а в смешанных приходах службу отправляли только немцы. Те священники, которые выступали за серболужицкое богослужение, были переведены в приходы с немецкоязычной паствой.

Еще большие ограничения предусматривал проект школьного закона 1911 г., фактически полностью изгонявший серболужицкий язык из обучения. Только массовые протесты родителей привели к отклонению этого проекта на самой последней стадии его прохождения по инстанциям. И все же последствия антисерболужицкой политики описываемого периода были налицо. Большинство выпускников средних школ не умело правильно писать и читать на родном языке. Но и немецким они владели недостаточно. Это вело к духовному обнищанию, а также и к различным социальным бедам. Получив подобное образование, многие вынуждены были наниматься в батраки.

Начатое после 1871 г. широкомасштабное наступление на серболужицкий язык имело одну главную цель – ассимилировать остатки «вендов». Те, кто был готов бороться за сохранение языка и культуры лужицких сербов, подвергались гонениям в прессе. Так, газета «Шлезише Цайтунг» в 1885 г. писала: «Вендское школьное обучение и вендское богослужение в самом центре исконно немецких земель – это позор в век торжества национальных принципов. Вендское духовенство, зараженное своими идеалами, лишено высшей добродетели всех времен и народов – любви к Отечеству. Это реакционеры в области культуры.»

Однако всякое действие вызывает противодействие. Именно самые сознательные представители интеллигенции, в том числе и немецкой, в это же время защищали серболужицкие язык и культуру, прибегая к убедительным аргументам и отражая националистические нападки. Серболужицкие патриоты образовывали кружки, изучавшие различные области народной жизни, фольклор и местные обычаи. Возникали хоры, организовывались экскурсии, создавались любительские театры. Многие молодые люди горели желанием объединять и сплачивать народ.

Около 1875 г. сформировалось движение, получившее название *млодосербы*. Его опорой были студенческие объединения, не согласные с консервативными деятелями старшего поколения, которые составляли тогда большинство в руководстве «Матицы Серболужицкой». Консерваторы уповали в решении серболужицкого вопроса на государя и правительство; *млодосербы* же черпали энергию в народе и верили, что распространение в нем культуры послужит делу подъема национального самосознания. Они неустанно трудились в кружках по изучению родного языка, в хоровых и театральных обществах, а также создали новый литературный и культурно-политический журнал «Липа Сербска», в котором, в частности, критиковали консервативные взгляды, отраженные в публикациях журнала «Лужичан». Все эти культурные начинания, направленные на патриотическое воспитание народа, призваны были стать мощным средством в борьбе с проводившейся властями политикой германизации. К *млодосербам* принадлежали **Якуб Барт-Чишинский** (1856–1909), **Арношт Мука** (1854–1932), **Юрий Либш** (1857–1927), **Филип Резак** (1859–1921) и другие.

Виднейший серболужицкий поэт той эпохи Якуб Барт-Чишинский – католический священник, с 1871 по 1881 г. питомец Серболужицкого семинария в Праге, член и позже староста общества «Сербовка» – в своем литературном творчестве стремился проложить путь угнетенному народу к вершинам культуры, поднять его образованность на более высокий уровень и тем самым укрепить его самосознание и национальное достоинство. Его поэзия стала рупором народа, борющегося за свою национальную и социальную сво-

боду; он призывал любить родину, сохранять и развивать родной язык и культуру. Важное оружие в борьбе с германизацией Барт-Чишинский видел в создании народных просветительских кружков. За свои смелые выступления в защиту народа он подвергался преследованиям и в возрасте 47 лет был отправлен на пенсию, однако и после этого его литературная и патриотическая деятельность не прекратилась.

Другой крупной фигурой серболужицкой культуры и науки этого периода был Арношт Мука, языковед, этнограф и статистик. Он родился в саксонской Верхней Лужице в семье зажиточного лужицкого серба; окончив Будишинскую гимназию, прошел в Лейпциге университетский курс классической филологии, сравнительного языкознания и славяноведения и в 1875 г. получил степень доктора философии. С 1879 г. Мука преподавал в гимназиях в Житаве (Циттау), затем в Будишине и Хемнице, а с 1887 г. – во Фрайберге. Будучи педагогом, Мука активно боролся за сохранение серболужицкой народности. «Матица Серболужицкая» в этот период почти бездействовала, ее консервативное руководство не принимало никаких мер к оживлению научной и патриотической работы. Старых энтузиастов и борцов уже не было в живых. Мука возродил «Матицу» и стал поистине ее движущей силой. Он редактировал журналы (в 1882–1907 гг. журнал «Лужица», с 1894 по 1932 г. – «Часопис Мачицы Сербскее»), занимался книгоизданием, в 1896 г. организовал серболужицкий отдел ремесленно-художественной выставки в Дрездене, ставший основой Серболужицкого музея в Будишине, наконец, довел до конца строительство *Сербского дома*, открытого в 1904 г. Как ученый Мука был в первую очередь лингвистом, но также и фольклористом, этнографом, демографом. Все эти дисциплины он связывал в единую науку, которую назвал *народоведением*. Ученые заслуги Муки были признаны и за рубежом, многие славянские академии и научные общества избрали его своим членом; в частности, он был членом-корреспондентом Российской Академии наук. Непреходящую ценность имеют его трехтомный словарь нижнелужицкого языка, а также «Статистика лужицких сербов», которая стала итогом десятилетних полевых исследований. Вышедшая в свет в 1884–1886 гг., она содержит богатейший демографический материал.

С 70-х годов XIX в. лужицкие крестьяне, продолжая традицию, оправдавшую себя в период революции 1848–1849 гг., стали вновь объединяться в союзы. В 1888 г. оформился Центральный серболужицкий крестьянский союз, отделения которого функционировали почти в каждом серболужицком церковном приходе Верхней Лужицы. Одновременно шло создание сельскохозяйственных товариществ по изготовлению молочных продуктов, объединений касс взаимопомощи, кредитных и вспомогательных обществ для подъема и поддержки крестьянских хозяйств.

Молодые серболужицкие интеллектуалы осознали, что только тесная связь с сельским населением обещает успех в неравной борьбе против германизации и ассимиляции. Поэтому они налаживали контакты с деревенской беднотой и середняками, в результате чего укреплялась общность целей крестьянского движения со стремлениями интеллигенции к сохранению серболужицкого языка и культуры. Барт-Чишинский и его соратники посещали крестьянские сходы, призывая лужицких сербов сопротивляться национальному угнетению. *Млодосербы* старались содействовать усилению серболужицких обществ и союзов, их дальнейшему сплочению. Эта неустанная активность находила живой отклик у сельского населения. В 1908 г. Барт-Чишинский с удовлетворением констатировал, что простой серболужицкий крестьянский люд стоит на его стороне «прочно и верно». Народ полностью разделял такие требования, как защита родного клочка земли, родного языка и культуры, звучавшие в общем контексте борьбы за национальное существование.

В 1900-е годы прошла еще одна волна создания серболужицких союзов и обществ. В театральных кружках многие пытались восполнить то, что было упущено в начальной школе. Члены этих кружков учились читать и писать по-серболужицки. Их культурные мероприятия рассматривались как эффективное средство протеста против политики национального угнетения. Организовывать такие мероприятия и проводить их на высоком общественном уровне было одной из главных целей серболужицкого национального движения тех лет. Только за 1900–1914 гг. состоялось около 250 театральных представлений и 120 выступлений хоров. К 1913 г. в саксонской Верхней Лужице существовало 58 культурных обществ, объединявших 8 800 членов.

Наконец, на почве крестьянского движения и массовых культурных акций 12 октября 1912 г. в городе Войерецы (Хойерсверда) возникла «Домовина» – головная организация всех серболужицких обществ и объединений. В «Домовину» входило 31 общество с 2890 членами. Цель «Домовины» состояла в противодействии дискриминации лужицких сербов на территории Германии, в выступлениях за демократические права этого этноса, в развитии его культуры и в экономической поддержке национального движения.

Создание «Домовины» было одним из кульминационных моментов серболужицкого национального движения. Впервые удалось объединить самые широкие круги населения в борьбе против социального бесправия и национального угнетения. Выдвигая ряд насущных требований, в частности, о проведении земельной реформы, «Домовина» отвечала чаяниям большинства серболужицкого народа. Проводя культурные мероприятия, она вносила существенный вклад в укрепление национального самосознания и сохранение серболужицкого этноса в период усиленного давления на него. Вся деятельность «Домовины» носила ярко выраженный демократический характер. Ее председателем был избран **Арношт Барт** (1870–1956), который одновременно являлся серболужицким представителем в парламенте Саксонии, где его поддерживали социал-демократические депутаты.

Эта многообещающая активность была на целый ряд лет прервана Первой мировой войной (1914–1918). Многие лужицкие сербы были призваны на войну и с нее не вернулись. Перестало выходить большинство серболужицких газет и журналов, общества собирались на свои встречи лишь спорадически. Почти совсем замерла национальная жизнь в Нижней Лужице. Деятельность местных отделений «Домовины» прекратилась.

Сохранявшиеся еще серболужицкие издания не одобряли империалистическую войну, которую вела Германия, не восхваляли побед, а лишь сухо и бесстрастно информировали читателей о событиях. На это обратила внимание полиция Будишина, которая несколько раз предупреждала редактора «Сербских Новин» **Марко Смолера** (1857–1941) о недопустимости равнодушного отношения к успехам немецких войск на фронтах и угрожала газете штрафами.

Важным фактором поддержания национального духа были чешско-серболужицкие связи. Систематическому их развитию немало способствовал давний популяризатоор серболужицкой культуры в Чехии, издатель журнала «Словански Пршеглед» **Адольф Черный** (1864–1931). В 1907 г. он создал кружок, который на первых порах возглавлял сам, а затем его сменяли **Ян Брыл** (1879–1931), **Йозеф Пата** (1886–1942) и другие. Под влиянием концепции устройства Европы, разработанной выдающимся чехословацким ученым и политическим деятелем Т. Г. Масариком, члены этого кружка полагали возможным разрешение серболужицкого вопроса извне и независимо от Германии. Этим иллюзиям поддались позже и некоторые представители серболужицкой интеллигенции, призывавшие к созданию самостоятельного серболужицкого государства с последующим

его присоединением к Чехословацкой Республике. Кружок Адольфа Черного, развивший активную пропагандистскую деятельность в чешских землях и информировавший их население о событиях в Лужице, издавал книги и всеми силами, в том числе и материально, поддерживал серболужицких патриотов.

В 1918 г. война закончилась поражением Германии. 9 ноября того же года Карл Либкнехт провозгласил в Берлине Германскую Социалистическую Республику, которая, однако, просуществовала недолго. В стране возникла буржуазная Веймарская республика, сменившая довоенную монархию. В это же время распалась Австрийская монархия и образовалась демократическая Чехословацкая Республика. В такой обстановке воспряло и серболужицкое национальное движение.

Между двумя мировыми войнами

Уже 13 ноября 1918 г. был создан Серболужицкий национальный комитет, выступивший за перераспределение юнкерских земельных владений в Германии в пользу беднейших слоев населения, национализацию полезных ископаемых и за равные права для национальных меньшинств. Последнее требование предусматривало равноправное представительство граждан в парламенте, использование серболужицкого языка в государственных учреждениях и судах, создание учебного заведения для подготовки преподавателей серболужицкого языка и открытие в Лейпцигском университете кафедры сорабистики. Было также выдвинуто требование автономного управления Лужицы. Поскольку переговоры с саксонским правительством ни к чему не привели, председатель Серболужицкого национального комитета Арношт Барт (он же председатель «Домовины») обратился за поддержкой к Версальской мирной конференции.

Также внутри Германии некоторые деятели серболужицкого движения пытались оказать давление на ослабленное поражением государство, особенно после образования самостоятельных Польши и Чехословакии. Однако консервативные политики видели в стремлении к автономии предательство интересов германского государства и отечества. Особенно беспокоились крупные землевладельцы, поскольку серболужичане выставляли требование передела земли. Сепаратистские настроения отвергало серболужицкое духовенство – как евангелическое, так и католическое. Среди учителей мнения разделились. Власти же твердили о «чешской опасности», т.е. о желании серболужичан войти в состав Чехословакии. Лужицы были заняты правительственными войсками, и население не могло больше надеяться на равноправие.

По существу никаких попыток отделения Лужиц от Германии предпринято не было, речь шла лишь об автономии. В то же время и чехословацкое правительство не собиралось включать в состав республики лужицких сербов. В 1919 г. вожди серболужичан обратились к мирной конференции в Париже с требованием создания самостоятельного государства, независимого и от Германии, и от Чехии. А. Барт и его секретарь А. Черный, подготовивший документы лужицкой стороны, 21 января 1919 г. прибыли в Париж, но успеха не добились. Их вопрос даже не рассматривался, а представитель ЧСР Э. Бенеш вовсе не думал о присоединении Лужицы и не собирался отстаивать ее автономию. Когда осенью 1919 г. А. Барт возвращался из Парижа, его арестовали сразу после пересечения границы и за «государственную измену» приговорили к трем годам заключения (из которых он отбыл в тюрьме полтора).

Дискуссия о «сепаратизме», будоражившая умы серболужичан, беспокоила и немецкое население, что дало правительствам Саксонии и Пруссии основания для принятия особо

строгих мер против А. Барта и его сторонников. Манифестации были запрещены, активные деятели серболужицкого движения арестованы и приговорены к различным срокам заключения или денежным штрафам. В качестве противовеса Серболужицкому национальному комитету возникло движение «Верные саксонские венды», в котором участвовали прежде всего зажиточные крестьяне и учителя с «общегерманским образом мышления». К числу антисерболужицких мер относилось и учреждение в 1920 г. в правительстве Вендского отдела, т.е. центрального органа по контролю над лужицкими сербами, просуществовавшего до 1945 г. Своей основной задачей Вендский отдел считал «усиление работы по внедрению общегерманских идеалов в вендских районах, содействие широкой разъяснительной работе о предательском по отношению к государству характере всяких вендских национальных устремлений», а также «разоблачение вендского национального сознания как враждебного государству».

В 1921 г. был упразднен Серболужицкий семинарий в Праге, из которого со времени его основания в 1706 г. вышли сотни серболужицких священников. Тем самым были прерваны традиционные контакты католиков-серболужичан с их славянскими соседями в целях усиления их связей с германским государством. День за днем лужицкие сербы подвергались репрессиям и клеветническим нападкам. Несмотря на то, что школьный закон 1919 г. гарантировал занятия серболужицким языком по три часа в неделю, этот язык все больше вытеснялся из учебных планов. Успешно занимавшиеся германизацией учеников школьные учителя получали особое вознаграждение, так называемую «восточную надбавку», что давало многим повод распространять практику германизации и на внеурочное время. Детям запрещалось говорить на серболужицком языке на переменах, по дороге домой и даже в семье. В общественной жизни немецкая националистическая пресса регулярно проводила кампании против лужицких сербов как лиц, связанных со славянским зарубежьем, пугала жупелом панславизма и возможностью чешского вторжения в Лужицу с целью оказания поддержки серболужичанам. В церковной жизни язык сербов все больше вытеснялся из богослужения, особенно в прусских районах Лужицы. Увеличивалось число немецких священников, назначаемых в приходы. Например, в 16 нижнелужицких церквах в 1912 г. было девять, а к 30-м годам осталось всего трое священников, говоривших по-серболужицки. Также и в серболужицкий католический собор Будишина был в 1925 г. впервые назначен немецкий священник, хотя имелось достаточно серболужицких кандидатов.

Все это происходило вопреки тому, что летом 1919 г. была принята конституция Веймарской республики, которая давала лужицким сербам некоторые надежды на улучшение их жизни. Положительные явления заключались, в частности, в том, что лужицким сербам удалось создать народный банк, хозяйственное товарищество и торговое объединение, поддерживать существование смолеровских типографии и издательства, издавать ежедневную газету «Сербске Новины», возродить «Домовину» с ее отделениями. Конституция обещала всем гражданам демократические права и свободы, а кроме того, гарантировала «говорящим не на немецком языке представителям народа и государства», что они не будут ущемляться ни законодательством, ни администрацией в праве на свободное этническое развитие, особенно в сфере использования родного языка при обучении, а также во внутреннем управлении и в юридической практике. С другой стороны, конституция гарантировала права серболужицких культурных учреждений и предоставляла им возможность бороться за национальное равноправие – впрочем, при отсутствии исполнительных законов, что позволяло весьма свободно толковать конституционные положения.

В итоге серболужицкое национальное движение, несмотря на все ограничения, переживало в двадцатые годы подъем. Влияние его вождей росло, а ряды его крепли. Возникали многочисленные союзы и общества, ставившие перед собой задачи осуществления национальных, экономических, политических, культурных, профессиональных и религиозных чаяний лужицких сербов. В то же время столь широкий спектр самых разных по своим целям союзов отражает возросшую дифференцированность состава их членов. В одной газетной статье 1920 г. отмечалось: «Теперь уже едва ли даже половина серболужицкого народа состоит из крестьян, да и те зависят от промышленных предприятий». Действительно, многие бывшие крестьяне, жившие, как и прежде, в сельской местности, трудились в текстильной промышленности, в строительстве или на предприятиях по добыче бурого угля. Среди крестьян только небольшой слой самых зажиточных, экономически сильных семей имел возможность расширять и укреплять свое хозяйство, а основная масса мелких крестьян обнищала, и им для сохранения своей земельной собственности приходилось брать кредиты.

Не добившись успеха в достижении независимости, серболужицкое движение обратилось к решению актуальных политических, экономических и культурных вопросов. В 1919 г. была основана лужицкая (с 1924 г. – серболужицкая) народная партия. Она поддерживала требования крестьян относительно справедливого перераспределения земли и ратовала за национализацию крупных промышленных предприятий и национальное равноправие. Мелкие и средние крестьяне основали в 1926 г. собственную организацию, а именно Лужицкий крестьянский союз, призывавший к совместной борьбе всех бедствующих жителей города и деревни за лучшую жизнь. Стремление к некоторой экономической самостоятельности привело к учреждению в 1919 г. в Будишине Серболужицкого народного банка в форме акционерного общества с филиалами по всей Верхней и Нижней Лужице. Той же цели призваны были служить крестьянские товарищества купли-продажи, а также Серболужицкое хозяйственное общество. Интересы зажиточных крестьян католической части Верхней Лужицы представляло очень активное и влиятельное Кирилло-Мефодиевское общество, члены которого входили в возникший в 1925 г. Серболужицкий народный совет с участием также представителей «Домовины» и «Матицы Серболужицкой». Серболужицкий народный совет считался представительным органом этого народа по отношению к государственной власти. Реакцией на деятельность немецких национальных спортивных обществ явился созданный в 1922 г. по образцу аналогичных объединений в других славянских странах серболужицкий союз «Сокол», который вскоре насчитывал уже около двух тысяч членов.

Наибольшее значение в жизни лужицких сербов приобрела «Домовина» как организация, возглавлявшая все культурные и общественные союзы. Возобновив свою деятельность в 1920–1921 гг., «Домовина» развернула широкую культурную и образовательную работу среди населения. Заметный подъем произошел в музыкальном творчестве и любительском театральном движении. Уже в 1923 г. возник Союз серболужицких певческих обществ, объединивший 14 хоровых коллективов, а в 1924 г. 35 любительских сценических групп объединились в Театральный союз. Главными событиями в деятельности «Домовины» были проводившиеся с 1921 г. ежегодные съезды, на которые собирались тысячи ее членов, впечатляющим образом демонстрируя богатство серболужицкой народной культуры. Так, в 1926 г. в народном съезде, собравшемся в Букецах (Хохкирхе), участвовали четыри тысячи человек из 37 обществ, а годом позже собрались целых пять тысяч участников из 48 обществ.

Серболужицкая интеллигенция издавала немало газет и журналов – общим числом 12. «Сербске Новины» стали ежедневной газетой и с перерывом (в 1933 г.) выходили вплоть до 1937 г. Журнал «Лужица», возобновленный в 1921 г., продолжал отражать культурную и литературную проблематику. Научный журнал «Часопис Мачицы Сербскее» в 1894–1932 гг. редактировал А. Мука. Кроме того, печатались религиозные журналы, а также календари: евангелический «Пшедженак» и католический «Краян», а также нижнелужицкий «Пратыя». Издавалась научная и художественная литература.

Значительную моральную поддержку получало серболужицкое движение от Союза национальных меньшинств Германии. Наряду с серболужицкими в него входили польские, литовские и фризские организации. В числе инициаторов создания Союза был лужицкий серб **Ян Скала** (1889–1945), принадлежавший к левому крылу национального движения. Он был сторонником решения лужицкого вопроса внутри Германии и в течение двух лет издавал для лужицких сербов двуязычный «Сербски дженик». Предприняв поездку по славянским странам, Скала убедился, что инославянская помощь лужицким сербам есть не более чем иллюзия, а борьбу этноса нельзя ограничивать вопросами языка и культуры. Поэтому Скала стал одним из создателей Союза национальных меньшинств, а в 1925 г. принял на себя редактирование журнала «Культурвилле» («Культурная воля»), получившего позднее название «Культурвер» («Защита культуры»). В этом журнале Скала в полемическом тоне, но вполне объективно выступал за гарантию демократических прав национальных меньшинств в Германии.

Таким образом, несмотря на притеснения, серболужицкому народу в Веймарской республике удавалось сохранять свою этническую самобытность, поддерживать язык, развивать культуру. Этому значительно способствовала деятельность союзов и обществ с ярко выраженной культурной ориентацией, периодика, литература. Но в тридцатые годы XX в. начался процесс, который привел к самой серьезной перемене в положении лужицких сербов. В Германии пришла к власти национал-социалистская партия во главе с Адольфом Гитлером. Серболужицкое движение оказалось неподготовленным к этим событиям. На выборах в рейхстаг 1932 г. большинство серболужичан, особенно в прусской части Лужицы, как и вообще большинство сельского населения Германии, голосовало за партию Гитлера.

Вскоре стали ясны политические последствия этих выборов. Для лужицких сербов наступили самые тяжелые времена в их истории. Началась полоса террора, преследований, допросов в гестапо и уничтожения ценностей национальной жизни и культуры. Под угрозу было поставлено вообще дальнейшее существование серболужицкого этноса как такового. Новые власти запугивали людей опасностью активизации славянского элемента в исконно немецких землях, внушали им, будто серболужичане могут стать опорой для враждебных Германии славянских соседей – Польши и Чехословакии. Было заявлено о необходимости принятия мер к подавлению «вендства», и соответствующие акции начали осуществляться. Впрочем, тактика нацистов в отношении лужицких сербов менялась в зависимости от колебаний внутренней и внешней политики режима.

Сразу после захвата власти национал-социалистами в аянваре 1933 г. начался открытый террор. Многие серболужицкие патриоты подверглись аресту, в десятках домов деятелей культуры прошли обыски. Национально ориентированных серболужицких учителей и священников начали принудительно выселять из Лужицы. Был распущен Лужицкий крестьянский союз, а также «Сокол». В апреле последовал запрет газеты «Сербске Новины» (хотя через восемь дней, после смены состава редакции, ее издание было возобновлено). Остальные серболужицкие газеты и журналы либо закрылись, либо им было пред-

писано держаться официального курса. Все мероприятия лужицких сербов контролировались, деятельность «Домовины» была сильно ограничена. Серболужицкий народный совет был вынужден приостановить свою деятельность и прервать связи с Союзом национальных меньшинств в Женеве. Запрещались связи со славянскими странами, особенно с Чехословакией.

В 1933–1936 гг. за пределами Германии имели место бурные акции протеста против притеснений лужицких сербов и их активной германизации. Протесты начались в Чехословакии, где прошли сотни митингов в защиту серболужичан. Пика эти манифестации достигли в июле 1933 г., когда в чешском городе Мнихово Градиште состоялась тридцатитысячная демонстрация. Общество друзей Лужицы в Праге выступило с призывом «Спасем культуру серболужицкого народа!», и его подхватили братские по духу общества в Варшаве, Познани, Белграде, Загребе и Париже. Был также разработан совместный меморандум о положении лужицких сербов в Германии, переданный в сентябре 1933 г. в Лигу наций.

Ввиду массовых протестов нацистские власти, учитывая положение немецких национальных меньшинств за рубежом и стремясь к усилению своей «пятых колонн», сменили тактику. Теперь действия администрации сводились к попыткам внедрить в массы лужицких сербов нацистскую идеологию. Без прямого насилия вытеснялся из общественной жизни серболужицкий язык. Уже в детских садах малышей приучали исключительно к немецкому языку. Цель состояла в том, чтобы сделать ненужным обучение на серболужицком языке в начальной школе и соответственно уволить серболужицких учителей. При отборе новых учительских кадров предпочтение отдавалось «чистокровным немцам», прежде всего тем, кто обладал опытом «борьбы за присоединение к немецкому народу». Дети в школах могли общаться между собой только по-немецки. Учителя обязаны были «вовлекать воспитанников в немецкие игры и петь с ними немецкие песни», а на уроках краеведения употреблять лишь немецкие географические названия. Ежегодные праздники в Блотах (Шпреевальде) демагогически использовались для того, чтобы представить общественности лужицких сербов как «живой и энергичный компонент великого германского народа» при одновременном отрицании статуса серболужичан как особого этноса.

Начиная с 1936 г., меры, принимаемые властями против серболужицкого народа и языка, все более ужесточались. Немецким газетам не разрешалось сообщать о жизни лужицких сербов, запрещались и публичные доклады (лекции) о «вендском народном быте»; понятия «венды», «вендский этнос» должны были исчезнуть из любого рода публикаций. Официальная точка зрения сводилась к тому, что «венды» – это те же немцы, но говорящие на другом языке, а выражения типа «вендская проповедь» или «вендский крестьянин» следует заменять на «проповедь, произносимая на диалекте» и «крестьянин из Верхней (Нижней) Лужицы». В ряду подобных мер стояли также запрещение серболужицкого флага и гимна, устранение серболужицких надписей с фирменных ярлыков и даже с могильных надгробий, а также приказ переводить серболужицкие театральные пьесы на немецкий язык. Около 60 серболужицких названий населенных пунктов были заменены на немецкие или звучащие на немецкий лад. Короче говоря, надлежало устранить все указания на существование серболужицкого этноса.

На первом этапе успехи нацистских властей в их гонениях на серболужичан были не слишком заметны. В этом велика была заслуга «Домовины», которой удалось укрепить свой авторитет в народной среде разнообразными мероприятиями и живой культурной работой; при этом она успешно противодействовала попыткам уничтожить националь-

ную самобытность народа. Председателем «Домовины» в 1933 г. был избран молодой и не вызывавший подозрений у властей учитель **Павол Недо** (1908–1984). При нем «Домовина» из централизованной, хотя и не очень сплоченной системы превратилась в сеть местных отделений. Благодаря этому, а также распространению ее деятельности на прусские регионы Лужицы значение организации в целом возросло. За короткое время «Домовина» сумела преодолеть безропотное смирение, сопровождавшее приход к власти нацистов, и основать новые культурные объединения в дополение к тем хоровым и театральным коллективам, которые существовали прежде и теперь активизировали свою деятельность. В Радворе (Радиборе) в 1934 и Войерецах в 1935 гг. состоялись массовые праздники песни; на студенческих митингах тысячи серболужичан заявляли о своем желании сохранить национальную самобытность. Серболужицкая культура в очередной раз проявила себя как нечто большее, нежели только стимулирующий фактор в деле отпора насильственному онемечиванию: она укрепляла самосознание и пробуждала чувство национального достоинства.

«Домовина» упорно отказывалась как вступать в «Союз немецкого Востока», объединивший в 1933 г. местные союзы Восточной Германии, так и принять новый устав, согласно которому она стала бы именоваться «Союзом немцев, говорящих по-вендски». В связи с этим власти готовили новые жесткие меры против лужицких сербов. Председатель «Союза немецкого Востока», непримиримый националист Т. Оберлендер заявил, что необходимо решительно бороться с «Домовиной», если она и дальше будет вести свою пропаганду и препятствовать вовлечению «вендства» в общегерманскую политику. Меры против «Домовины» были тем более возможны, что отошли на задний план опасения за судьбу немцев, живших за пределами рейха. Германские власти взяли курс на развязывание военных действий в Европе и усиление террора внутри страны. 18 марта 1937 г. председатель «Домовины» Павол Недо получил от руководителя администрации Будишина уведомление такого содержания: «Поскольку “Домовина” в течение отведенного ей для этого срока не заявила о своей готовности принять к исполнению проект устава, предложенный ей администрацией еще в ноябре 1936 г., то с этого момента (т.е. с 18.03.1937) все публичные и внутренние мероприятия, все собрания членов “Домовины” и всех входящих в нее организаций рассматриваются как направленные против сохранения общественного спокойствия, безопасности и порядка, а потому на основании всеобщих полицейских полномочий эти организации запрещаются или будут при необходимости распущены насильственно. Обнародование настоящего сообщения в вендской прессе не дозволяется.»

Так была пущена в ход машина террора, направленного против лужицких сербов. Вместе с «Домовиной» были ликвидированы все серболужицкие газеты и журналы, запрещены союзы и общества. Вендский отдел при правительстве потребовал, чтобы «Матица Серболужицкая» именовалась впредь «Лужицкое литературное общество». Были запрещены ее публичная деятельность и издание ею журнала. В 1941 г. была конфискована вся собственность «Матицы», в том числе архив и библиотека. Город Бауцен принял в свое ведение *Сербский дом*, а Городской музей – собрание картин и библиотеку. Архив и многие фонды библиотеки были уничтожены. Закрылись серболужицкое издательство, типография, книжный магазин и музей. Употребление серболужицкого языка в школе и в церкви, как и вообще во всей общественной жизни, не допускалось. Пиком всего этого процесса стал меморандум Г. Гиммлера «Некоторые соображения об отношении к представителям иноязычных граждан Германии на востоке» (май 1940). Лужицкие сербы и другое славянское население, объявлявшееся «неуправляемой массой рабочей силы»,

призывались «под патронат строгого и справедливого руководства германского народа, чтобы сотрудничать с ним в достижении вечных культурных ценностей и в строительстве новых сооружений». Четырехлетняя начальная школа, обучение элементарным арифметическим действиям и умение подписывать свое имя – вот и все, что разрешалось славянам в области просвещения.

Принудительное выселение ведущих представителей серболужицкого национального движения из Лужицы и все новые аресты были характерными чертами третьего этапа нацистской политики по отношению к этому этносу. К началу 1938 г. из Верхней Лужицы было выселено 37 серболужицких учителей; в конце 1940 г. из Лужиц изгнали 11 евангелических пасторов, всех католических священников (их насчитывалось 12) и 25 учителей. Эти акции коснулись и председателя «Домовины», которому было запрещено появляться на родине хотя бы даже на короткое время. Нижнелужицкая писательница Мина Виткойц после ее выселения в Эрфурт была вынуждена, находясь под полицейским надзором, наняться в работницы по огороду. Такая же или подобная судьба постигла большинство представителей серболужицкой интеллигенции. Готовилось выселение из родных мест вообще всего серболужицкого народа. Так, в рождественские дни 1940 г. среди нацистов ходили упорные слухи о том, что вот-вот «будет выселено все вендство». Но поворот в ходе войны после Сталинградской битвы отодвинул эту проблему на задний план, и серболужичане убереглись от еще одного сурового испытания.

Несмотря на все гонения, лужицкие сербы самыми разнообразными способами сопротивлялись нацистской системе. Имели место пусть мелкие, но все же весьма эффективные проявления протеста. Очень распространена была помощь пригнанным в Германию военнопленным и «остарбайтерам» (рабочим, вывезенным с востока), которых набирали чаще всего из соседних славянских стран. Лужицкие сербы помогали им пищей и одеждой, распространяли содержание радиосообщений, предупреждали о всевозможных проверках, помогали готовить побеги. Разумеется, за такие действия серболужичанам грозили суровые кары.

Представители серболужицкого этноса из самых различных слоев, придерживавшиеся различных мировоззрений и политических взглядов, томились в концлагерях и тюрьмах. Среди них были: издатель **Ян Цыж** (1898–1985), учитель и краевед **Ян Мешканк** (1905–1972), адвокат **Юрий Цыж** (1904–1947), коммунист **Корла Янак** (1891–1968). Некоторые серболужичане, такие, как священник и писатель **Алоиз Андрицкий** (1914–1943), публицистка **Мария Грольмусец** (1896–1944) и другие, заплатили своими жизнями за сопротивление фашизму, с разгромом которого началась новая эпоха в истории лужицких сербов.

Лужицкие сербы после 1945 года

С крушением национал-социализма в истории лужицких сербов наступил коренной поворот, положивший конец их социальному, политическому и национальному бесправию. При этом руководящие деятели серболужицкого национального движения придерживались различных мнений в отношении будущего политического развития. Единодушие, однако, наблюдалось в том, что дальнейшее существование серболужицкого этноса в рамках немецкого государства не имеет плодотворной перспективы и что славянские страны – освободительницы Лужицы, ее ближайшие соседи, будут продолжать и ранее проводившуюся ими политику славянской солидарности, взаимопомощи и поддержки в деле достижения территориальных и административных изменений в этой области.

Как образованный 9 мая 1945 г. в Праге Серболужицкий национальный комитет, так и воссозданная днем позже в Кросчицах (Кроствиц) «Домовина» провозгласили своей задачей сохранение родного языка и культуры лужицких сербов путем создания школ с серболужицким как языком обучения, широкого развертывания серболужицкой культурной жизни посредством издания серболужицких газет, журналов и иллюстративных материалов, исходя из убеждения, что лучший выбор для Лужицы – это присоединение к соседней славянской стране Чехословакии. Пражское правительство подпитывало эти надежды, оказывая лужицким сербам моральную и практическую, в том числе финансовую, поддержку. Примерами ее могут служить проведение летних лагерей, создание серболужицкой гимназии в городах Ческа Липа и Варнсдорф, организация серболужицких радиопередач и издание серболужицких печатных текстов в г. Румбурк.

Чтобы добиться своих целей, «Домовина» и Серболужицкий национальный комитет в сентябре 1945 г. создали Национальный совет, который в своей деятельности сосредоточился на внешнеполитических вопросах. Во многих меморандумах он вновь и вновь обращался к Сталину, Бенешу и в ООН, выдвигая свои требования, наиболее настойчиво – в марте 1947 г. на московской конференции министров иностранных дел. При этом «Домовина» добивалась политического отделения Лужицы от Германии и провозглашения ее нейтральной территорией под контролем нескольких славянских государств, тогда как Национальный совет мечтал о полностью независимой от Германии Лужице. Эти планы, однако, оказались нереальными.

Ввиду того, что после московской конференции условия национального и культурного развития лужицких сербов заметно улучшились и в советской оккупационной зоне был проведен ряд способствующих этому социальных и национально-культурных мероприятий, которые отвечали чаяниям серболужицкого народа (земельная реформа, экспроприация собственности военных преступников, подготовка учителей для серболужицких школ, выход серболужицких газет, организация серболужицкого книгопечатания и серболужицких школ, основание серболужицкого народного театра, начало серболужицкого радиовещания и принятие «Серболужицкого закона» в 1948 г. в Саксонии и в 1950 г. в Бранденбурге), руководство «Домовины» постановило решать серболужицкие вопросы в рамках немецкого государства. Принятая ею в сентябре 1947 г. программа уже не содержала требования политической самостоятельности. После того как в конце 1946 г. в Лужице была запрещена деятельность местных национальных комитетов, которые продолжали придерживаться прежних позиций, «Домовина», тесно сотрудничавшая теперь с новыми властями, стала единственной массовой организацией лужицких сербов.

Как законодательное закрепление равноправия серболужицкого народа, так и государственная поддержка сохранения его языка и культуры создали благоприятные условия для широкого развертывания серболужицкой культурной и научной жизни. В 1950-е годы благодаря выделению значительных финансовых средств возникли многие культурные, научные, педагогические и другие учреждения, которые позволили обеспечить небывалый подъем серболужицкой культуры. Это Серболужицкое педагогическое училище в Будишине, Институт сорабистики в Лейпцигском университете, Институт серболужицкого народоведения, издательство «Домовина», Государственный ансамбль серболужицкой народной культуры, серболужицкие отделы в министерствах культуры, народного образования и внутренних дел, а также серболужицкие школы. В широких масштабах развернулось школьное обучение. В 1950 г. от 6 500 до 7 000 учащихся посещали серболужицкие языковые занятия или получали на серболужицком языке образование по другим специальностям. В середине 1950-х годов их число возросло до 9 000. Небывалый подъем

переживала серболужицкая культурная жизнь. Свидетельствами этого стали серболужицкий народный праздник, состоявшийся в 1950 г. в Будишине, на котором присутствовало 150 000 зрителей и выступило 500 певцов и 400 танцевальных пар, традиционные осенние концерты и, наконец, фестивали серболужицкой культуры, организуемые с 1965 г. с периодичностью раз в четыре-пять лет (последний, седьмой фестиваль был проведен в 1989 г.).

Все эти мероприятия, впрочем, имели своей целью усиление идеологического влияния на лужицких сербов и укрепление позиций Социалистической единой партии Германии в Лужице. С начала 1950-х годов СЕПГ вообще стала претендовать на главенствующую роль в решении серболужицких вопросов. «Домовина» и другие учреждения были окончательно включены в существующую систему и вынуждены следовать в русле политики СЕПГ. Это проявилось, в частности, в том, что в 1950 г. в ходе реогранизации «Домовины» ее прежний председатель Павол Недо, который в течение многих лет успешно и осмотрительно руководил этой организацией, под давлением СЕПГ должен был подать в отставку. Его место занял рабочий-коммунист **Курт Кренц** (1907–1978). С этого времени «Домовина» отказалась от своего ранее относительно независимого курса, все в большей степени ориентируясь на идеологические установки СЕПГ. Утвержденный в 1952 г. устав закрепил признание ведущей роли партии.

Выдвижение на первый план социальных и экономических вопросов повлекло за собой пренебрежение к языковым и культурным аспектам. Нарастали противоречия между руководством «Домовины» и частью серболужицкого народа, которая отказывалась безоговорочно подчиняться идеологии СЕПГ. Особенно часто с протестами против позиции функционеров по жизненно важным для сохранения серболужицкого этноса вопросам выступали верующие.

После того как в середине 1950-х годов в рамках экономического развития округа Хошебуз были построены комбинат по переработке бурого угля «Шварце Пумпе», электростанции в Любнёве (Люббенау), Ветошове (Фетшау), а позже в Боксберге и Яншойцах (Йеншвальде), этот регион стал центром угольной промышленности и энергетики ГДР, что привело к исчезновению многих серболужицких деревень и значительному притоку в Лужицу рабочих-немцев. Это заметно ограничило жизненное пространство лужицких сербов и нанесло ущерб их национальному существованию. Тем не менее «Домовина» никак не протестовала против этого; напротив, она приветствовала строительство комбината по переработке бурого угля и пыталась убедить серболужицкое население в правильности и необходимости принимаемых мер. Резко осуждались критические выступления отдельных лиц, которые выражали озабоченность по поводу такого развития событий, усматривая в нем угрозу дальнейшему существованию серболужицкого народа. Против этих лиц выдвигались обвинения в национализме, пессимизме или ревизионизме, и они подвергались суровым наказаниям – от запрета заниматься профессиональной деятельностью вплоть до ареста.

Жесткие меры, принимаемые против патриотически настроенных серболужичан, которые всей душой болели за дело сохранения своего этноса, отражали изменившуюся с конца 1950-х годов политику в отношении лужицких сербов. Была существенно ограничена поддержка развития серболужицкого языка и культуры. Это особенно наглядно проявилось в области школьного образования: изданные в 1960-е годы распоряжения нанесли заметный ущерб развитию серболужицкого языка. Так, инструкция 1962 г. в области школьной политки предусматривала преподавание предметов математического и естественнонаучного цикла в серболужицких школах только на немецком языке. Еще более

далеко идущие последствия имело распоряжение 1964 г., после которого была свернута всякая агитация преподавания на серболужицком языке. Это привело к резкому снижению количества обучающихся на серболужицком языке в школах: с 12 800 учеников в 1962 до 3 200 в 1964 г. Родители-серболужичане, однако, упорно сопротивлялись этой жесткой линии в области школьного образования. В результате в 1968 г. был достигнут компромисс: по согласованию с родителями и с руководством школы «Домовина» смогла вести агитацию за преподавание на серболужицком языке. Начиная с середины 1970-х годов, количество таких учеников увеличивалось ежегодно примерно на 6 000 чел.

В середине 1980-х годов в руководстве «Домовины» проявились первые признаки нового мышления. С этого времени оно поставило во главу угла проблемы развития серболужицкого языка и культуры, а также укрепления национального самосознания, и начало диалог с представителями евангелической и католической церквей. На негативные последствия разработки месторождений бурого угля, угрожающей существованию лужицких сербов и их культуры, обращали внимание серболужицкие интеллектуалы, в первую очередь писатель **Юрий Кох** (род. 1936). Серболужицкие студенты начали издавать гектографическим способом свою свободную от цензуры газету, которая, впрочем, официально была запрещена.

С осени 1989 г., после падения ГДР, лужицкие сербы очутились в новой ситуации. В начале ноября было сформировано серболужицкое Национальное собрание. Его программными целями являлись, в частности, мероприятия в области развития культуры и школьного образования, преодоление территориально-административного разделения Лужицы, защита серболужицкого жизненного пространства от последствий индустриализации, а именно разработок угольных месторождений, и не в последнюю очередь демократизация внутри «Домовины». В результате ожесточенных дискуссий в середине 1991 г. начался процесс обновления «Домовины» – после принятия ею новой программы и проведения далеко идущих кадровых и структурных изменений. Как это было еще в 1912 г., она вновь стала головной организацией различных серболужицких обществ с центром в Будишине.

Преобразование «Домовины» означало расширение организационной основы серболужицких обществ. Наряду с коренным образом обновленными старыми обществами в ее состав вошли многие новые союзы. Все они, от возрожденного в 1991 г. научного общества «Матица Серболужицкая» до возникшего в 1995 г. молодежного объединения «Паук», в результате своего членства в «Домовине» смогли тем действеннее служить серболужицким национальным интересам.

Благодаря усилиям «Домовины», которая в 1990 г. провела переговоры с правительством, в объединительном договоре, регламентировавшем процедуру восстановления единства Германии, были закреплены также права национальных меньшинств. Протокольная запись к статье 35 гарантировала лужицким сербам защиту их национальной самобытности.

Принятые в апреле-мае 1992 г. конституции федеральных земель Бранденбург и Саксония, на территории которых в настоящее время проживает около 60 000 лужицких сербов, предусматривают поддержку серболужицкого языка, культуры и национальных традиций. Конкретное ее выражение определяют утвержденные обоими ландтагами соответственно в 1994 и 1999 гг. «Закон об обеспечении прав лужицких сербов в земле Бранденбург» и «Закон о правах лужицких сербов в Свободном государстве Саксония».

Уже в 1991 г. в Саксонии и Бранденбурге вступили в действие новые законы о школах, регулирующие принципиальные вопросы, связанные с преподаванием школьных предме-

тов на серболужицком и с получением специального образования на этом языке в двуязычной немецко-серболужицкой области.

Законом 1993 г. о детских учреждениях в Саксонии была предусмотрена возможность создания в детских садах по желанию родителей серболужицких или двуязычных групп. Годом ранее аналогичный закон был принят в земле Бранденбург. Помимо того, с 1998 г. начала внедряться в жизнь новая модель детских садов *WITAJ* (‘Добро пожаловать!’), в которых немецкоязычные дети в процессе игры учатся говорить по-серболужицки. Цель этого проекта – подготовить детей к последующему обучению в серболужицких классах в школе.

Денежные средства на развитие серболужицкого искусства, культуры, науки, школьного образования, периодической печати и издательской деятельности выделяет основанный в 1991 и юридически правоспособный с 1999 г. Фонд серболужицкого народа, финансируемый федеральным правительством и властями земель Саксония и Бранденбург. Это позволяет материально обеспечивать существующие и новообразуемые серболужицкие учреждения, поддерживать проекты, направленные на сохранение серболужицких праздников и обычаев.

Несмотря на заметный подъем серболужицкого национального движения в период после 1900 г., существуют обстоятельства, мешающие беспрепятственному развитию серболужицкого языка, культуры и образа жизни. Основной закон ФРГ не содержит специальных положений, касающихся национальных меньшинств. Стремление лужицких сербов к административному объединению областей их проживания учтено не было. Некоторые практические меры принимаются в ущерб интересам лужицких сербов и нарушают их конституционно закрепленные права. Все расширяющаяся разработка месторождений бурого угля в Лужице создает опасность дальнейшего сокращения жизненного пространства лужицких сербов – вопреки всем заявлениям о необходимости его сохранения. Негативные последствия для серболужицкого этноса имеет также сложная экономическая ситуация в регионе: высокий уровень безработицы, свертывание целых отраслей промышленности, массовый отток молодежи на территорию Западной Германии... Ввиду небольшого количества учащихся под угрозой закрытия оказываются серболужицкие школы. В этой области, опираясь на закон, лужицкие сербы добиваются особых прав, поскольку школе принадлежит особая роль в деле обучения молодого поколения на родном языке. Чтобы обеспечить применение серболужицкого языка в общественной жизни, необходимо подготовить владеющие им кадры. Соответственно при устройстве на работу в области проживания лужицких сербов следует обращать особое внимание на двуязычие кандидата.

Для лужицких сербов сейчас главное – научиться использовать имеющиеся у них возможности, чтобы выстоять в условиях современного индустриального общества. Будущее лужицких сербов связано с двуязычием. В связи с этим они должны, с одной стороны, решать экономические задачи, а с другой – поддерживать и развивать богатую традициями серболужицкую культуру. Это позволит им сыграть важную роль посредников между немцами и славянами, способствуя тем самым укреплению взаимопонимания, дружбы и добрососедских отношений между народами.